

До начала патрулирования оставалось всего три дня, и никто не знал, когда отряду суждено будет вернуться. Опасаясь задержек, люди принялись спешно писать письма домой — было бы горько упустить возможность передать весточку вместе с Ли Цинжуем.

Ни у кого из каторжан не нашлось при себе ни кистей, ни туши. Сначала хотели просить старину Сина занять письменные принадлежности у солдат, но потом кто-то догадался обратиться к ссыльным, живущим в землянках на южной стороне. В конце концов, там обитали люди учёные.

Движимые лишь слабой надеждой на удачу, они не ожидали, что дело выгорит так легко. Узнав, что большинство прибывших не обучены грамоте, книжники сами вызвались помочь с письмами — в обмен на скромную плату провизией.

Люди образованные всегда отличались излишней стыдливостью. Вернувшись, Ци Минь со смехом пересказывал товарищам, как эти бедолаги краснели, стоило им заговорить о еде. Казалось, кровь вот-вот брызнет из их лиц. Помощь в написании писем издревле стоила денег, и замена платы на еду в их нынешнем положении была делом естественным, однако учёные мужи всё равно чувствовали себя крайне неловко.

Ли Цинчжо, слушая эти рассказы, передумал предлагать свои услуги. Он сам видел, как ссыльные книжники, расчищая снег, выискивали под ним подмороженную дикую траву, чтобы хоть как-то утолить голод. Эти люди не обладали крепостью тел, присущей солдатам; им было трудно даже просто выживать в суровом крае, не говоря уже о том, чтобы добыть достойное пропитание.

Пока каторжане в избушке наперебой спрашивали друг друга, кто и что отписал родным, многие лишь чесали затылки, не зная, как облечь чувства в слова. Ли Маоцюнь поначалу усмехался, глядя на их мучения, но вскоре улыбка сошла с его лица.

Он тоже терзался тревогами. Больше всего он боялся, что у матушки закончатся деньги на праздник и она снова пойдёт просить помощи у второго дяди. Впрочем, мужчина трезво осознавал: дома по нему вряд ли кто-то тоскует, а уж беспокоиться — и подавно не станут. Ли Маоцюнь давно смирился с этим, и хотя старая обида уже не жгла сердце, на душе всё же было тоскливо.

Пробыв в задумчивости довольно долго, он перевёл взгляд на Ли Цинвэня.

— Ты и впрямь решил остаться здесь весной? — спросил он.

— Нет, мне придётся вернуться.

Ли Маоцюнь опешил. Ли Цинвэнь столько времени твердил о своём желании остаться, и вдруг такая перемена.

При упоминании об этом лицо мальчика исказилось в гримасе глубочайшего разочарования.

— Старший брат говорит, что наши подорожные грамоты выданы всего на год. Если не вернёмся в срок, могут возникнуть проблемы с властями, — нехотя пояснил он. — Что ж, на ошибках учатся. В следующий раз, когда будем выправлять бумаги, нужно будет просить срок подлиннее. Лет на восемь или десять, так будет лучше всего, чтобы не мотаться туда-сюда попусту.

Видя, как Ли Цинвэнь, скрепя сердце, принял это решение, Ли Маоцюнь не смог скрыть своего огорчения. Ли Цинчжо заметил это и спросил:

— Дядя, вы не хотите возвращаться?

Тот едва заметно кивнул.

— Я и дома-то не знаю, чем заняться. А здесь хоть голова ни о чём лишнем не болит. Хотел бы я поучиться у Цзян Цуна и остальных охотничьему делу... Глядишь, те же заячьи шкурки чего-то да стоят, можно копейку выручить.

Земли у него было мало, крестьянский труд не занимал всего времени, а найти работу в уездном городе не получалось. Пустые карманы рождали в душе тревогу, а из-за того, что он так и не обзавёлся семьей, жены братьев приглядывали за ним, точно за вором. Жизнь в родном доме стала для него невыносимой.

Он надеялся добыть здесь побольше ценностей, чтобы продать их и вернуть долги старшим дядьям. У тех были свои большие семьи, и то, что они долгие годы тянули на себе ещё и его дом, тяжким грузом лежало на его совести.

Ли Цинжуй только собирался что-то сказать, но младший брат опередил его:

— Дядя, возвращайтесь пока с нами. Мы закупим всё необходимое и через какое-то время снова двинемся сюда.

Ли Маоцюнь замер, не веря своим ушам. Он перевёл взгляд на старшего из братьев:

— Вы и впрямь собираетесь вернуться?

Ли Цинжуй кивком указал на Цинвэня:

— Глянь на него. Кто же его удержит, если он вобьёт себе что-то в голову?

Юноша, заметив, что земля в кадке с рассадой подсохла, принялся осторожно поливать её водой. Услышав слова брата, он тотчас возразил:

— Посудите сами: в нашей деревне земли — кот наплакал. Старики и малые круглый год впроголодь живут, а податься на заработки некуда. Здесь же просторы бескрайние, дичи и плодов — бери не хочу. Хочешь — паши, хочешь — охоться. Если не лениться, голодным точно не останешься. К тому же можно целебные травы собирать на продажу, да и старший брат Цзян с товарищами всегда присмотрят. Кроме того, что путь неблизкий, недостатков у этого места нет.

Ли Цинвэнь уже успел основательно изучить книгу Ли Цинчжо о лекарственных растениях и понял, что здешние края — настоящая сокровищница. Взять хотя бы линчжи: если собрать их столько, чтобы хватило на несколько телег, то на вырученные деньги любой добрый молодец сможет и дом построить, и скотину купить, и на свадьбу останется.

Он прекрасно знал, как живётся в Тополиной деревне. Жизнь, основанная лишь на обработке крошечных наделов, была чередой бесконечных лишений. Люди там были трудолюбивые, но земли не хватало, и сколько бы они ни гнули спины, бедность оставалась их неизменной спутницей.

Его семья сейчас жила лучше многих односельчан, но Ли Цинвэню этого было мало. Он мечтал заработать столько денег, чтобы родные забыли о нужде, а Цзян Цун и его друзья вновь обрели свободу. В Тополиной деревне этот план казался неосуществимым, но здесь, в Пограничном городе, всё было иначе. Несмотря на суровость края, юноша чувствовал, что эта земля — нетронутый клад.

Когда Ли Цинжуй упомянул о сроке действия грамот, мальчик, хоть и расстроился, не стал упрячиться. Он понимал необходимость возвращения, но в голове его уже зрел план будущей поездки. На этот раз они приехали в спешке, многого не предусмотрели, и теперь, столкнувшись с бытовыми трудностями, он точно знал, чем именно нужно будет закупиться дома.

Услышав их рассуждения, Ли Маоцунь окончательно успокоился.

— Ну, раз так, то я вернусь сюда вместе с вами.

— Ого, вы ещё уехать не успели, а уже обсуждаете возвращение? — смеясь, в комнату вошёл Цзян Липин, на ходу отряхивая снег с плеч.

— Старший брат Цзян, ну и слух же у тебя! — воскликнул Ли Цинвэнь, заглядывая ему за спину. Разумеется, следом шёл Цзян Цун.

Мальчик подбежал к нему и с нетерпением спросил:

— Ну как? Удалось разузнать? Разрешат нам здесь распахивать целину?

Цзян Цун кивнул. Ли Цинвэнь уже собрался радостно рассмеяться, как Цзян Липин вставил:

— Боюсь, тебе скоро будет не до пахоты. Твой брат хочет, чтобы ты держал в руках кисть, а не мотыгу.

— О чём это ты? — не понял юноша. Ли Цинжуй и Ли Цинчжо тоже вопросительно взглянули на вошедших.

— Твои сани и снежные очки сослужили добрую службу, — пояснил Цзян Цун. — Господин Чжоу пожелал наградить тебя, и я решил попросить для тебя возможности сдать экзамены.

Ли Цинжуй просиял и порывисто спросил:

— Неужто правда?

Цзян Цун подтвердил:

— Господин Чжоу согласился написать рекомендательное письмо. Если испытания пройдут успешно, можно будет поступить в Академию Вэньчжэн, а в будущем — участвовать в государственных экзаменах.

— Но разве императорские экзамены не отменили? — подал голос Ли Цинчжо.

Он слышал от дяди Циня, что право простолюдинов на экзамены было введено ещё при прежней династии и сохранялось при нынешней, однако чиновники постоянно выступали против. Кажется, во времена покойного императора случилось некое неприятное происшествие, после которого врата к чинам захлопнулись.

Ли Цинчжо любил учиться, но из-за бедности семьи ему пришлось оставить книги и посвятить себя медицине. Однако мечта о знаниях всё ещё жила в глубине его сердца.

— Отменили лишь экзамены в округах и уездах, — возразил Цзян Липин. — Ученики столичных академий и по сей день могут в них участвовать. Беда лишь в том, что простому человеку туда ходу нет — связей не хватает.

— Это же шанс, который выпадает раз в жизни! — воскликнул Ли Цинчжо, и глаза его загорелись.

Все были вне себя от радости, и лишь Ли Цинвэнь сердито уставился на Цзян Цуна.

— А я не согласен! Не надо решать за меня. Я хочу пахать землю и зарабатывать деньги, а не просиживать штаны в какой-то академии!

Он отказывался не из страха перед трудностями. Юноша боялся потерять время. Учёба — дело долгое, она может затянуться на годы, а то и на десятилетия. И всё это время он не сможет помогать семье, лишь станет для неё лишней обузой. К тому же, если он будет привязан к книгам, то не сможет возвращаться в Пограничье. А как тогда помочь Цзян Цуну и остальным вернуть свободу?

Ли Цинжуй понимал, что это дар от чистого сердца. Для крестьянского сына возможность учиться — великая редкость. Он строго прикрикнул на младшего:

— Сынок, как ты разговариваешь со старшим братом Цзян! Он ведь только лучшего тебе желает. Ты парень смыслённый, в учёбе наверняка преуспеешь. Это куда почётнее, чем всю жизнь в земле ковыряться.

Ли Цинвэнь едва не плакал от досады:

— Да чем это учёба лучше пахоты? Всем нужно зерно, книгами сыт не будешь! Я и сам могу грамоте учиться, но вступать в академию не желаю!

Он и раньше твердил об этом, а теперь его решимость только окрепла.

— Я не хочу идти в чиновники! С моим характером в этих кругах я стану лишь ступенькой для чужой карьеры. А если не повезёт — сделают козлом отпущения, и глазом моргнуть не успею, как головы лишусь. Не дай бог оступлюсь — и всю семью под удар подставлю. Потом и локти кусать будет поздно!

От этой тирады Ли Цинжуй и остальные лишились дара речи. Первым не выдержал Цзян Липин — он громко расхохотался.

— Ох, ну и уморил! Ты, парень, сейчас и пары иероглифов без ошибок не напишешь, ещё неизвестно, примут ли тебя в ту академию! А если и примут, то до экзаменов тебе ещё лет десять грызть гранит науки. Да и на самих экзаменах нужно в первые ряды выбиться, чтобы чин получить... А ты уже боишься, что тебя подставят! Не рановато ли шкуру неубитого медведя делить?!

Старший брат, щадя чувства Ли Цинвэня, сдержал смех, но тоже добавил:

— Сынок, ученье — труд тяжкий. Чин получают лишь те, чьи таланты превосходят всякое воображение. Я и не чаял, что ты обязательно станешь важным господином. Просто

грамотному человеку, познавшему мудрость предков, всяко легче живётся, чем тому, кто весь век спину на поле гнёт.

Мальчик растерялся под их натиском, и лицо его залилось краской. Он и впрямь не допускал мысли, что может провалиться... Кажется, он и впрямь возомнил о себе лишнего. Он совсем забыл, что здешняя наука не чета той, что была в его прежнем мире. Его былая успеваемость здесь не стоила и ломаного гроша.

Заметив смущение брата, Ли Цинчжо нарочно поддразнил его:

— Ладно тебе, не бойся. Если не поступишь, мы тебя корить не станем.

Ли Цинвэнь буркнул:

— Второй брат, твои уловки слишком топорны, я на них не куплюсь.

Ли Цинчжо с улыбкой взъерошил его волосы.

— Такую светлую голову и впрямь жаль в землю зарывать.

— Светлая голова и на поле пригодится, — огрызнулся мальчик, бросив обиженный взгляд на Цзян Цуна. — Если желаете мне добра — позвольте заниматься тем, к чему душа лежит. А если заставлять меня делать то, что ненавистно — никакого толка не будет.

Слыша его язвительный тон, второй брат сжал его плечо посильнее.

— Перестань! Цзян Цун расстроится, услышав такие слова!

Цзян Липин покосился на товарища:

— Ну что я говорил? Сказал же — он в жизнь не согласится. Не ошибся я.

Цзян Цун с видом полнейшего смирения высвободил голову Ли Цинвэня из рук брата и вздохнул:

— Если ты и впрямь так против, это место можно уступить кому-то другому из твоей семьи...

— Неужто можно передать?! Вот это удача! — Ли Цинвэнь мгновенно оживился. — Отдайте место второму брату, он книги обожает!

Такого поворота никто не ожидал, и Ли Цинчжо замер, ошеломлённый.

Цзян Цун кивнул Ли Цинжю:

— Я опасался, что Цинвэнь заартачится, поэтому перед господином Чжоу не стал называть имён. Если Цинчжо желает учиться — так тому и быть. Он уже постиг основы грамоты и почерк у него отменный.

Ли Цинжуй прекрасно знал, как сильно брат тосковал по книгам. Он посмотрел на него:

— Второй, что скажешь?

На этот раз он не стал решать за брата, ведь тот много лет отдал медицине. Если сейчас юноша уйдёт в науку, все прошлые труды и старания пойдут прахом.

Ли Цинчжо ответил без малейшего колебания:

— Брат, я хочу учиться. Одно лишь терзает сердце — я подвожу наставника, что вложил в меня столько сил. Когда вернёмся, я должен буду пасть ему в ноги и просить прощения.

Лекарь Люй принял Ли Цинчжо в ученики и, видя, как тот каждую свободную минуту тратит на чтение и письмо, не раз сокрушался, что талантливый юноша родился не в то время. Будь сейчас открыты уездные экзамены, он наверняка достиг бы многого.

Наставник Люй всегда желал своему ученику лучшей доли. Если он узнает об этой возможности, то наверняка обрадуется больше самого юноши. Ли Цинчжо понимал, что учитель благословит его, но от этого на душе становилось ещё горше — не хотелось расставаться с близким человеком.

Видя, как охотно брат согласился, Ли Цинвэнь радостно захлопал в ладоши. Сбросить с плеч такую обузу, да ещё и исполнить мечту брата — лучшего и желать нельзя! Он принялся нахваливать Ли Цинчжо с нескрываемым восторгом:

— Второй брат, ты обязательно поступишь! Станешь большим чиновником, я в тебя верю!

Тот едва заметно улыбнулся.

— Если так и случится, то лишь благодаря тебе.

— Ну что ты, мы же одна семья, — сияя от счастья, отозвался Ли Цинвэнь. Теперь, когда над ним не висела угроза учёбы, настроение у него было превосходное.

Когда всё было решено, Цзян Цун отвёл Ли Цинчжо к господину Чжоу. Ли Цинвэнь же не давал прохода Цзян Липину, расспрашивая о земле. Узнав, что ему выделяют целую сотню му целины, он закружился на месте:

— Ого, сколько земли! Надо подумать, что посадить... Посажу-ка я побольше риса, а то это сорго есть просто невозможно...

Цзян Липин осклабился и повернулся к Ли Цинжю:

— Глянь на своего брата! Иные в ноги кланяются ради шанса учиться, а он — ни в какую. Но стоило заикнуться о пахоте — так он от счастья светится. Ну и ну!

Ли Цинжуй усмехнулся:

— Что ж, и в земледелии можно толк найти, если ум приложить... Только вот, сынок, здесь ведь холод собачий. Рис тут не вырастет, так что о белой каше можешь и не мечтать.

Ли Цинвэнь на миг застыл. Он совсем позабыл об этом! Воды в Пограничном городе было вдоволь — одних только крупных рек они встретили несколько. Он уже мысленно представлял рисовые чеки, но напрочь выкинул из головы суровый климат.

Вскоре вернулись Цзян Цун и Ли Цинчжо. По лицу второго брата, который не мог скрыть ликования, мальчик понял — дело в шляпе. Ли Цинжуй, искренне радуясь за брата, поблагодарил Цзян Цуна. Тот лишь покачал головой:

— Это заслуга Ли Цинвэня, моей воли здесь почти нет.

Стоило им войти, как Цзян Липин тут же разболтал всем о мечтах юноши о рисе.

— Вы только посмотрите на него: хвалится, что будет фермером, а сам в деле — ни в зуб ногой. В такой холодине бобы с пшеницей и те еле вызревают, а он рис собрался сеять. Эта трава тепло любит, а холод не выносит!

Ли Цинвэнь надулся и вызывающе взглянул на него:

— Старший брат Цзян, неужто ты так уверен, что у меня ничего не выйдет?

Воин расхохотался:

— Ещё бы! И дело не в том, что я в тебя не верю. Просто места здесь неподходящие. Рису не только вода нужна, но и солнце жаркое. На одном упрямстве урожаем не вырастишь.

Ли Цинвэнь лукаво прищурился:

— А я верю, что смогу. Может, заключим пари?

Цзян Липин обернулся к Цзян Цуну:

— Видал? Не я его задираю, он сам на рожон лезет.

Благодетель кивнул, и его товарищ тут же обратился к мальчику:

— Спорить — дело доброе. Только чур потом не отпираться. Если ты засеешь сотню му, а соберёшь горсть зерна — это не в счёт.

Ли Цинвэнь махнул рукой:

— Разве в этом доблесть? Спор будет честным. Если в течение пяти лет я соберу с одного му хотя бы сто пятьдесят цзиней риса — я выиграл. Если нет — победа твоя. Ну как?

— Пять лет?! — Цзян Липин причмокнул губами. Слишком уж долгий срок, он ведь и позабыть может.

— А как иначе? — возразил Ли Цинвэнь. — Ты сам сказал, что дело это почти невозможное. Мне ведь время нужно, чтобы способ найти.

Если бы юноша пообещал урожай уже в будущем году, его собеседник решил бы, что тот просто бахвалится. Но Ли Цинвэнь назвал точную цифру урожая и запросил пятилетний срок — это звучало уже серьёзно. Цзян Липин на мгновение заколебался. Видя, что тот готов пойти на попятную, Цзян Цун спросил:

— И на что же вы спорите?

Воин посмотрел на Ли Цинвэня:

— Если выиграю я, ты исполнишь одну мою просьбу. Обещаю — ничего опасного, просто придётся тебе отправиться в неблизкий путь.

По тому, как он это сказал, казалось, что просьба у него уже давно готова. Мальчик, не раздумывая, кивнул:

— Идёт! Согласен. Но если победа будет за мной, ты тоже исполнишь моё желание.

Они ударили по рукам, скрепляя уговор.

Когда страсти улеглись, Ли Маоцюнь не удержался от вопроса:

— Так что же мы будем сажать в этом году?

— Что солдаты выдадут, то и посадим, — без тени сомнения ответил Ли Цинвэнь. Он бы с радостью испытал разные семена, да только взять их было негде.

Цзян Цун обратился к дяде:

— Дядя Маоцюнь, если желаете распахать участок — не стесняйтесь. Свободной земли здесь вдоволь. Выберите место, которое приглянется, я поговорю с начальством, и вам выделят надел. Места здесь дикие, двор ещё не прислал указов о налогообложении, так что три-пять лет можно будет не беспокоиться о податях.

— Вот это дело! — радостно рассмеялся Ли Маоцюнь.

Цзян Липин в это время задумчиво потирал подбородок.

— Цзян Цун, а ты не нарочно ли всё это подстроил?

Тот ответил с самым невозмутимым видом:

— А что, ты и впрямь веришь, что он сможет вырастить здесь рис?

— Разумеется, нет! — фыркнул воин. — Вот и поглядим, какой такой тайной силой он заставит рис колоситься в мёрзлой земле!

Ли Цинвэнь расплылся в довольной улыбке:

— А я уже придумываю, какое задание дать старшему брату Цзян.

— У меня-то всё давно придумано! — вскинул бровь тот. — Сдайся сейчас — и я, может, проявлю милосердие.

Не слушая их перепалку, Ли Цинжуй спросил:

— Цзян Цун, когда вы выступаете в патруль?

— Послезавтра, — отозвался тот. — В этот раз идём на север, путь предстоит долгий, так что вернёмся нескоро. Я разузнал: через какое-то время стражники отправятся обратно с докладом, а ещё один отряд солдат двинется в столицу — поздравлять императора с юбилеем. Примкнёте к ним, в пути веселее будет, да и безопаснее.

Ли Цинвэнь вздрогнул.

— Но ведь собирались же весной? Почему так рано?

— Снега здесь глубокие, — пояснил Цзян Цун. — Когда начнётся оттепель, дороги развезёт так, что не проедешь. К тому же весной хищники выходят из лесов — голодные за зиму, они становятся вдесятеро свирепее.

Доводы были разумными. Старший брат согласился:

— Поступим так, как советует Цзян Цун. Безопасность — превыше всего.

Но Ли Цинвэнь всё ещё пытался найти выход:

— А как же моя земля? Если мы уедем сейчас, то пропустим время пахоты, и целый год пропадёт зря!

— Мы присмотрим за твоим участком, — пообещал Цзян Цун. — Возвращайся домой со спокойным сердцем.

Отец и третий брат ушли к тётушке, и вестей от них нет. Дома наверняка матушка и невестки ночей не спят от тревоги... Вспомнив об этом, юноша наконец покорно склонил голову.

Пока Ли Цинжун и остальных позвали обсуждать письма, в соседней комнате вдруг раздался восторженный вопль Ли Цинвэня. Вскоре он сам выбежал к братьям вместе с Цзян Цуном.

— Брат! Старший брат Цзян раздобыл мне лошадь! Он научит меня ездить верхом! — сияя глазами, выпалил мальчик. Он выглядел таким оживлённым, что, казалось, из него искры сыплются.

Не дав братьям и слова вставить, юноша утащил благодетеля прочь — ему не терпелось познакомиться со своей кобылицей. Остальные пошли следом. Ли Маоцунь только покачал головой:

— А ещё твердит, что не ребёнок...

Только что горевал, а теперь сияет — ну и нрав!

Мул, на котором они приехали, стоял в конюшне неподалёку. Благодаря стараниям старины Сина, за эти месяцы корма у животного было вдоволь. Теперь рядом с мулом стояла кобылица гнедой масти; она мирно жевала сено, лениво помахивая длинным хвостом.

Мальчик обошёл её со всех сторон, шурясь от удовольствия. Лошадь ему явно пришлась по душе. Цзян Цун встал у яслей, а Ли Цинвэнь осторожно погладил её по голове.

— Ой, какая смиренная! Смотрите, она позволяет себя гладить!

— Характер у неё кроткий, — заметил Цзян Цун. — Она от боевой кобылы, пугливости в ней нет. Но если хочешь ездить верхом — сначала научись за ней ухаживать. Станешь кормить да чистить — поймёшь её нрав, тогда и в седле будешь чувствовать себя как влитой.

— Ладно, я научусь! — Ли Цинвэнь энергично закивал. — На лошади-то куда быстрее. Если научусь, то этот путь в несколько тысяч ли не будет казаться таким бесконечным. Буду каждый год мотаться между Бинчжоу и Пограничным городом!

Цзян Цун на мгновение замер, а потом негромко произнёс:

— На лошади главное — в целости остаться. О скорости будешь думать, когда научишься крепко в седле сидеть.

Юноша согласно закивал:

— Господин Чжоу и впрямь человек щедрой души: и брата в академию пристроил, и лошадь добрую выделил!

Благодетель лишь загадочно улыбнулся и промолчал. В последующие часы он наставлял мальчика в премудростях конного дела. Ли Цинвэнь даже рискнул сесть в седло; сначала Цзян Цун вёл лошадь под уздцы, но вскоре ученик уже сам уверенно держал поводья. Стоило ему пару раз прикрикнуть, как кобыла перешла на рысь. Это было куда быстрее, чем трястись в телеге, и решимость наездника овладеть искусством стала непоколебимой.

Скакун и впрямь пришёлся юноше по сердцу: лошадь охотно шла на контакт и выказывала редкостное послушание.

Как бы ни было грустно, час расставания неумолимо приближался. Накануне вечером Ли Цинвэнь долго о чём-то шептался с Цзян Цуном. Тот на всё соглашался, и мальчик остался вполне доволен. Цзян Липин и остальные только диву давались: они никогда не видели товарища таким терпеливым и мягким.

Наутро воины собрались в путь. К ним примкнул отряд солдат. Запасы провизии на волокушах были знатными — говорили, что берут еды на три месяца. Стало ясно: вернуться они нескоро. Братья Ли собрали все свои письма и вышли провожать отряд. К общему удивлению, Ли Цинвэнь держался спокойно. Он даже напомнил Цзян Цуну, чтобы тот не забыл посадить семена, которые он оставил. Мальчик выглядел как маленький, но серьёзный мужчина — напутствовал друзей и просил их беречь себя в походе.

Патруль скрылся из виду. Ветер подхватил снежную пыль, поднятую копытами и полозьями, и унёс её далеко в поле. Ли Цинвэнь, поёживаясь от холода, поспешил обратно в тепло. В хижине, где раньше теснились десятки людей, теперь стало непривычно пусто. Даже старина Син чувствовал себя не в своей тарелке.

— Интересно, когда они вернуться? — вздохнул он.

— Должны успеть до оттепели, — ответил Ли Цинжуй. — Стольким людям нужно пропитание, весеннюю пахоту пропускать нельзя.

Ли Маоцунь согласно закивал. Накануне он отметил колышками участок рядом с землёй Ли Цинвэня — вымерил шагами соток десять. Свободных просторов здесь было столько, что солдаты даже уговаривали его взять побольше: трава здесь сорная, сильная, в первые годы урожаи будут небогатыми. Он и мечтать не смел, что у него будет столько собственной земли. Мужчина боялся, что не сдюжит один, и решил, что для первого года десяти му хватит. К тому же ему предстояло вернуться домой, и заботы о поле ложились на плечи Цзян Цуна и остальных — не хотелось обременять людей лишним трудом.

До отъезда с конвоем оставалось десять дней, и братья Ли принялись потихоньку собирать вещи. Цзян Цун перед уходом оставил им много рыбы, чтобы они не голодали. Ли Цинвэнь решил забрать часть улова с собой.

— В такую стужу она не протухнет. Отец с матушкой никогда такой рыбы не пробовали, привезу им гостинец.

Идея везти рыбу за тысячи ли казалась безумием, но старший брат, помолчав, ответил:

— Сынок, мы не сможем поехать прямиком домой.

— Это ещё почему? — удивился мальчик.

— Сначала нужно продать пушнину и коренья, — пояснил Ли Цинчжо, указывая на тюки. — Первым делом мы отправимся в город Фанъян.

Фанъян был одним из крупнейших торговых городов Севера. Город бурлил жизнью, там всегда останавливались караваны. От него до уезда Люшань было всего двести ли — рукой подать, однако он уже не входил в провинцию Бинчжоу. Братья решили заехать туда не только ради наживы, но и чтобы передать письма родным Цзян Липина. Уезд Люшань был слишком мал, и найти там кого-то, кто ехал бы в Хунчжоу, было почти невозможно.

Ли Цинвэнь прикинул сроки: к тому времени, как они доберутся до Бинчжоу, наступит весна. Пока суть да дело в Фанъяне — рыба точно испортится. Скрепя сердце, ему пришлось отказаться от этой затеи. Он утешал себя тем, что, продав товар, сможет купить родителям любых деликатесов.

Той ночью братья никак не могли уснуть, обсуждая предстоящую дорогу. Вдруг в ночной тишине послышался плач. Сначала им показалось, что это просто завывает ветер в щелях, но звук повторился — теперь он был похож на отчаянный крик о помощи...

Ли Цинжуй первым вскочил с постели и принялся одеваться. Ли Маоцунь, не желая отпускать его одного, поспешил следом. Накинув одежду, они вышли в морозную ночь. Их не было довольно долго, и Ли Цинвэнь с Ли Цинчжоу, не выдержав безвестности, зажгли факелы и бросились следом.

Снаружи плач слышался отчётливо. Вскоре они различили голос старшего брата и ускорили шаг.

— Помогите, умоляю... Мой брат умирает, а им нет дела до нашей жизни... Где в этой глуши найти лекаря...

Прежде чем они подошли вплотную, раздался женский голос. Ли Цинчжоу на мгновение замер, а потом резко развернулся и бросился обратно в хижину.

Женщина оказалась одной из тех ссыльных, что жили в землянках на юге. Должно быть, она была в крайнем отчаянии: выскочила в такой мороз в лёгкой одежде и теперь лежала на снегу, а её плач становился всё тише. Силы её покидали. Ли Цинжуй тщетно пытался заставить её подняться — он не смел прикоснуться к ней, ведь приличия запрещали мужчине обнимать незнакомую женщину.

Ли Цинвэнь, в силу возраста не обременённый такими условностями, тут же набросил на неё свою шубу и помог встать.

— Ещё немного, и ты сама замёрзнешь! Как тогда брату поможешь? Показывай дорогу, идём скорее.

В этот момент появился Ли Цинчжо с медицинской сумкой в руках. Женщина так заоченела, что не могла идти. Мальчик, не теряя времени, взвалил её себе на спину. Тут подоспел старина Син, поёживаясь от холода.

— Идёмте, я знаю, где их нора.

Ли Цинвэню было всего четырнадцать, и он ещё не обрёл мужской силы, но женщина была настолько истощена, что казалась невесомой. К тому же идти было недалеко, иначе он бы не сдюжил. Они добрались до землянки и, распахнув дверь, увидели несколько перепуганных людей. Увидев женщину на спине мальчика, те побледнели и бросились ей на помощь.

Она сквозь слёзы лепетала, что солдаты прогнали её. Люди в землянке впали в отчаяние. Один из них запричитал:

— Не думал я, Сунь Чанфу, что паду так низко... Сын страдает из-за моих грехов, а я сижу здесь и ничего не могу сделать... Мой сын ради меня...

— Ах ты, безрассудная девчонка! — рыдала пожилая женщина с опухшими от слёз глазами. — Как ты смела выйти одна в такую темень! Ты хоть понимаешь, как я за тебя боялась? Брату и так худо, а если бы и с тобой что случилось — как бы мы с отцом жили дальше?!

Ли Цинчжо протиснулся сквозь толпу и отрывисто спросил:

— Где больной?

Люди на мгновение замерли, а потом кто-то указал на сверток у костра. Ученик лекаря тут же направился к нему. Следом шёл Ли Цинвэнь, поясняя на ходу:

— Мой брат — ученик лекаря. Он ещё не мастер, но это лучше, чем просто сидеть и плакать. Дайте ему осмотреть больного.

Эти люди уже приготовились к худшему, и внезапная надежда ошеломила их. Несколько юношей тут же пали на колени:

— Благодетели! Семья Сунь вовек не забудет вашей доброты!

— Не спешите радоваться, я ещё не знаю, смогу ли помочь, — осадил их лекарь. — Рассказывайте всё по порядку: как он занемог?

Родные заговорили все разом. Ли Цинвэнь молча стоял в стороне; ему всегда казалось, что во время лечения его второй брат становится странно суровым и холодным. Тот слушал их, одновременно прощупывая пульс. Потом он велел всем отойти подальше, достал из сумки свиток с иглами и развернул его.

При виде тонких игл, блеснувших в свете огня, по коже Ли Цинвэня пробежали мурашки. Он поёжился, осознав, насколько здесь холодно. Под тихие вскрики родных Ли Цинчжо с помощью иглы извлёк из тела больного длинную белую нить — одну за другой, всего штук семь-восемь. Лежащий юноша вздрогнул и вдруг глубоко, с облегчением вздохнул.

Видя это, Суни принялись отвешивать поклоны. Ли Цинчжо только нахмурился:

— Здесь слишком холодно. Здоровый человек не выдержит долго в такой сырости, а больному и подавно нужно тёплое место.

Только тогда Ли Цинвэнь понял, почему так дрожал: в спешке он и не заметил, что в этой землянке холодно как в леднике. Сунь Чанфу горестно усмехнулся.

— Вы правы, лекарь. Но солдатам нет дела до наших страданий, а сами мы строить не умеем...

Ли Цинчжо немного подумал и решил:

— Перенесём его к нам. А об остальном подумаем завтра.

Семья Сунь, разумеется, не смела перечить.

Факелы в пути погасли, и возвращались они в полной темноте. После ухода воинов в хижине освободилось много мест, но старший брат не хотел впускать в дом незнакомцев. Больного уложили на месте Ли Цинвэня, а сам мальчик перебрался на пустую постель Цзян Цуна. Родным больного оставаться запретили. Они тревожились, но беспрекословно подчинились.

Вскоре наступило утро. Больной, юноша по имени Сунь Юнхао, пришёл в себя. Он был слаб, но мог стоять на ногах и первым же делом отвесил поклон Ли Цинчжо. Вскоре пришли его родные. Увидев сына живым и здоровым, они разрыдались от счастья.

Ли Цинвэнь вдруг подумал, что если его второй брат бросит медицину ради книг, мир потеряет великого мастера. Ведь спасать жизни — дело благородное. Впрочем, в таких делах чужое мнение не в счёт: каждый сам волен выбирать свой путь.

Прежде они лишь изредка встречались, но теперь Суни видели в Ли Цинчжо своего избавителя

и поведали о причинах своей опалы. Отец юноши, Сунь Чанфу, прежде занимал пост саньгуань дафу. Это был чин пятого ранга, но он имел неосторожность перейти дорогу влиятельному царедворцу, за что и поплатился ссылкой. На вопрос о том, как именно это случилось, мужчина лишь печально покачал головой:

— Мы и так дошли до края. Я не из гордости молчу, просто не хочу навлекать беду на своих спасителей.

Раз он молчал, братья Ли не стали расспрашивать. Они лишь заметили, что жильё Суней никуда не годится и суровую зиму им там не пережить. Семья Сунь только горько улыбалась в ответ: в каллиграфии, стихах и музыке они знали толк, а вот в тяжёлом крестьянском труде были сущими младенцами. Братья Ли всегда с почтением относились к образованным людям и решили им помочь.

Ночью они мало что разглядели, но при свете дня ужаснулись: землянка Суней была не лучше скотника. Наполовину ушедшая в землю яма, накрытая сверху брёвнами в виде треугольника — настоящий склеп. Ветра внутри не было, но Сунь не умели добывать пригодное топливо. Сухая трава и тонкий хворост сгорали мгновенно, не оставляя тепла, и жильё быстро выстывало. Лишь тёплые одеяла спасали их от неминуемой гибели.

Ли Маоцунь и Ли Цинжуй решили сложить им кан. Всё равно сидели без дела, а доброе дело нужно доводить до конца. Сунь рассыпались в благодарностях. Молодые люди из их семьи пытались помогать, но в работе они были неуклюжи точно новорождённые утята.

Глядя на них, Ли Цинвэнь не на шутку тревожился: как они собираются выживать здесь дальше? Ведь даже отряд Цзян Цуна — крепкие, сильные мужчины, привычные к труду — и те с трудом справлялись с невзгодами. Все его думы были написаны на лице. Сунь Юнхао, заметив это, слабо улыбнулся:

— Человек привыкает ко всему. В этом мире мало кому живётся легко.

Юноша только кивнул. Верно сказано: его семья одолела путь в несколько тысяч ли, а значит, человека не так-то просто сломить.

За несколько дней в землянке сложили кан и обогревательную стену. Развели огонь для пробы, а там, где пробивался дым, замазали щели сырой глиной. Сначала набили печь сухой травой, а когда она разгорелась — подбросили хвороста. Когда угли подёрнулись пеплом, Ли Маоцунь показал им, как использовать сухой навоз. Он горел не так быстро, как дрова, зато держал жар очень долго. Вскоре кан и стена прогрелись, и в жилище впервые стало по-настоящему уютно.

Как только дело было закончено, братьям Ли пришлось собираться в путь. Перед уходом Ли Цинчжо оставил семье Сунь запас самых необходимых лекарств. Он привёз с собой много целебных сборов, но за всё время занемог только он сам, так что припасов осталось вдоволь. Тащить их обратно не имело смысла.

Старший брат договорился со стариной Сином, чтобы тот позволял Суням брать навоз для растопки. Старица Син согласился, но всё время спрашивал, когда Ли вернутся. Ли Цинвэнь ответил:

— Не знаю точно. Брат говорит, что спешить не стоит — в уездном городе мы дождёмся конвоя с новыми ссыльными. Большой группой идти на север куда безопаснее.

Старица Син согласно закивал:

— В дороге будьте осторожны.

За время совместной жизни они успели привязаться к старику. Ли Цинвэнь спросил, чего ему привезти, кроме вина, но тот долго думал и так ничего и не решил.

— Ладно, — сказал мальчик. — Если до нашего ухода не придумаешь, я сам что-нибудь выберу.

<http://bllate.org/book/15828/1439833>